

Бугаев Абдула Махмудович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
Чеченского государственного
педагогического университета

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС
В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ
НА РУБЕЖЕ 80–90-Х ГГ. XX В.:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРИЧИНЫ,
ПОСЛЕДСТВИЯ**

Аннотация:

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Чечено-Ингушская Республика из оазиса политического благополучия превратилась в территорию острого политического противостояния. В 1987–1989 гг. произошла заметная активизация определенного слоя местной интеллигенции и отдельных маргинальных групп, консолидовавшихся в рядах «народных фронтов» и прочих формирований, а в 1990 г., особенно осенью, четко обозначилась линия непримиримого политического разлома между действующей властью и претендующими на власть. В статье идет поиск ответа на вопрос, как и почему произошел политический кризис, приведший к тяжелым последствиям.

Ключевые слова:

политический кризис, власть, неформальные общественные движения, интеллигенция, маргинальные слои, оппозиция, насильственное свержение, захват власти, трагические последствия.

Bugaev Abdula Makhmudovich

PhD in History,
Assistant Professor,
History Department,
Chechen State Pedagogical University

**THE POLITICAL CRISIS
IN CHECHEN-INGUSHETIA
AT THE TURN OF 1990S:
BACKGROUND, REASONS,
AFTERMATHS**

Summary:

In the late 1980-s – early 1990-s the Chechen-Ingush Republic turned from the oasis of political well-being to the territory of sharp political conflict. In 1987–89 the local intelligentsia and some marginal groups banded together in “popular fronts” and other organizations, and then in 1990, in Autumn mainly, there was uncompromising political polarization between the acting government and those claiming for power. The article discusses the reasons and the course of the political crisis resulting in the drastic consequences.

Keywords:

political crisis, power, informal social movements, intelligentsia, marginal groups, opposition, violent overthrow, assumption of power, tragic aftermath.

В СССР рубеж 80–90-х гг. – это пик политической остроты, обусловленный необратимым характером перестроечных процессов и их неизбежной радикализацией.

Характеризуя ситуацию в Чечено-Ингушской АССР в рассматриваемый период, профессор Джабраил Гакаев писал: «Первые два года горбачевской перестройки не оказали сколько-нибудь существенного влияния на общественно-политическую жизнь Чечено-Ингушетии... Местная партноменклатура... встретила идеи перестройки враждебно и всячески сопротивлялась процессу демократизации» [1].

Однако обнадеживающим являлось то, что в республике политику обновления советского общества поддержала интеллигенция, во всяком случае значительная ее часть, в первую очередь – наиболее активная. Имеется немало аргументов, дающих право утверждать, что горбачевские реформы спровоцировали заметные проявления «признаков смутного брожения» умов. Причем не только исключительно в рядах чечено-ингушской интеллигенции, а значительно шире этих национальных рамок. Партийные директивы, размах гласности, острые дискуссионные теле-, радиопередачи, выпуск большим тиражом ранее недоступных произведений Александра Солженицына, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Николая Гумилёва, Евгения Замятина, Владимира Дудинцева, Чингиза Айтматова, Анатолия Приставкина, Рыбакова и многих других неизбежно всколыхнули общественные настроения.

Полагаем, что уже весной 1988 г. в Чечено-Ингушетии зародилось массовое неформальное движение, в данном случае – экологическое, к этому времени накопившее солидный опыт публичной презентации своей позиции. Такой опыт демонстративного выражения общественных настроений, бесспорно, сыграл роль катализатора общественно-политической активности. Постепенно спектр проблем, поднимаемых по инициативе неформальных общественных объединений, становился более разнообразным. Наряду с лозунгами экологического характера все чаще и настойчивее стали звучать и требования политические. Однако на начальном этапе каких-то особых радикальных требований «неформалы», как их в то время называли, не выдвигали.

гали. Видимо, поэтому реакция руководителей республики, особенно партийной элиты, оставалась толерантной. Но постепенно деятельность республиканских неформальных движений обрела политические очертания. Последующие события показали, что становилось больше не только число участников тех или иных конкретных мероприятий и действий. Постепенно расширялась социальная база неформальных движений, отчетливые акценты появлялись в их идеологической платформе, постепенно верх брал прагматизм их лидеров.

К лету 1988 г. в республике был создан «Народный фронт Чечено-Ингушетии». Его возглавил инженер республиканского производственного объединения «Вторчермет» Хожахмет Бисултанов. Почти одновременно учреждены «Народный фронт содействия перестройке» (руководитель – Лечи Салигов) и «Зеленое движение» (руководитель – научный сотрудник Чечено-Ингушского госуниверситета Рамзан Гойтемиров).

Таким образом, в конце 80-х гг. в Чечено-Ингушетии произошли заметные политические трансформации, в результате чего стала постепенно происходить и политическая поляризация общественных сил. И до определенного времени они сохраняли лояльное отношение к институтам власти, порою даже демонстрируя желание взаимодействовать, в частности в реализации общественно значимых проектов. Более того, в рассматриваемое время выраженной опасности «стихийного взрыва» в Чечено-Ингушетии не существовало [2]. Бесспорно, что в сознании широких масс их оппонирование с властью воспринималось как нечто сенсационное. Такова была в то время советская политическая ментальность, особенно в национальных регионах, формировавшаяся под прессом коммунистической идеологии. Но реальная демократизация политики закономерно становилась императивом общественно-политической жизни республики. И процессы эти, как показало время и дальнейшее развитие событий, постепенно обретали необратимый характер.

Политическая активность в Чечено-Ингушской АССР, как и по всей стране, заметно возросла в конце 1988 – начале 1989 гг. Обусловлено это было реальными либеральными преобразованиями в сфере государственного строительства, в частности внесением существенных изменений в действующую Конституцию (Основной Закон) СССР, принятием нового, действительно демократичного Закона СССР «О выборах народных депутатов СССР» и назначением даты их проведения. С этого момента происходит политизация неформальных движений. Заметно выросли их амбиции и прагматизм, особенно после того, как на них обратили внимание известные в республике ученые, общественные и политические деятели, в том числе и кандидаты в депутаты.

Выборы народных депутатов СССР состоялись 26 марта 1989 г. По их результатам депутатские мандаты получили первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС В.К. Фотеев, бригадир грозненского завода «Красный молот» С.З. Умалатова, Л.Д. Магомадов – бывший второй секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, известный ученый, доктор химических наук, профессор С.Н. Хаджиев, всемирно известный чародей танца М.А. Эсамбаев, писатель А.А. Айдамиров, экономист-плановик из Ножай-Юртовского района С.Э. Авторханов и др. В жесткой конкуренции депутатский мандат получил ингушский неформал, учитель Малгобекской средней школы Х.А. Фаргиев.

Республиканские власти, мобилизовав административный ресурс и оказав серьезный прессинг на избирательные комиссии, сумели заблокировать регистрацию в качестве кандидата в народные депутаты СССР профессора Руслана Имрановича Хасбулатова.

В 1988–1989 гг. как общественные силы (неформальные организации) были оформлены историко-географическое общество «Кавказ» (Сайдаш Ампукаев, Асланбек Лабазанов, Эльдербек Гапаев, Хасмагомед Магомаев, Бек Межидов, Хамзат Ханкаров, Иса Эдилов и др.), Народный фронт содействия перестройке (позже – Чеченская партия «Справедливость» – «Нийсо») во главе с Л. Салиговым, общество «Барт» – «Согласие» (М. Удугов, Л. Усманов, И. Эльсанов, З. Яндарбиев и др.) [3]. В это же время было создано Чечено-Ингушское отделение общества «Мемориал» [4], руководителем которого стал известный в республике историк Абдула Вацуев.

Одновременно формировались и ингушские национальные движения. Наиболее известными из них являлись: общество «Нийсо» (И. Кодзоев), Оргкомитет по восстановлению ингушской государственности (профессор Б. Сейнаров, Б. Богатырев и др.).

В январе 1989 г. в Грозном вышел первый номер первого неформального печатного издания – бюллетень Народного фронта содействия перестройке «Справедливость», впоследствии издававшийся как газета и пользовавшийся заметной популярностью у читателей. Его издателем и редактором был Л. Салигов.

Заметным событием в общественно-политической жизни республики стал периодический выход в эфир по инициативе известного в республике журналиста Руслана Караева публицистической телепередачи «Импульс», а в последующем и одноименной газеты.

С началом эпохи горбачевской перестройки в Чечено-Ингушетии наблюдается официальное возрождение ислама [5]. Если до этой поры исламский фактор советской системой и ее ком-

мунистической пропагандой игнорировался, то с началом демократического обновления общества он закономерно стал занимать свою нишу. Верховный Совет СССР начал подготовку Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях».

В перестроечный период и в Чечено-Ингушетии официальные партийные и советские органы стали более активно заниматься вопросами религии. В то время в республике началось восстановление и строительство новых мечетей. Верующие получили возможность совершить хадж. Еще в 1988 г. в республике было учреждено Духовное управление мусульман Чечено-Ингушской АССР – муфтият – во главе с известным в республике ученым-алимом Шайд-Хаджи Газабаевым. Ежегодно в исламские учебные заведения республик Средней Азии, Турции, Ближнего Востока направлялись представители чеченской и ингушской молодежи. В этом была общественная потребность. В республике, где коренное население, то есть абсолютное большинство жителей, являлось мусульманами, мало кто мог компетентно ответить на вопросы, возникавшие в обыденной жизни. Однако, увлекшись количеством, муфтият упустил из поля зрения качественную сторону. В результате в республику проникла идеология ваххабизма [6]. Опасность такой религиозно-идеологической экспансии своевременно не была замечена ни на одном уровне общественной и государственной иерархии. Видимо, бдительность усыпила пассивная поступательность, с которой в общественную ткань вращалась нить исламского «модерна».

В рассматриваемое время в республике активно формировались, в основном в районах их компактного проживания, общественные объединения казачества, ногайского и кумыкского населения.

1 июля 1989 г. партийную организацию республики возглавил Д.Г. Завгаев – второй секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС. Это событие имело историческое измерение. До этих пор такой высокий руководящий пост в республиканской политической иерархии никто из чеченцев не занимал. Общественность восприняла такое кадровое решение как знамение грядущих позитивных перемен. Это действительно была триумфальная победа, и не только тех, кто, рискуя партийной карьерой, вопреки установкам ЦК КПСС, отдали свои голоса за данного кандидата, и не только национально-патриотических сил республики, но и всех здравомыслящих людей, для которых, независимо от каких-либо факторов, главным было благополучие и политическая стабильность в многонациональной Чечено-Ингушетии. И это обстоятельство прекрасно осознавали и русские, и чеченцы, и ингуши, и представители всех других народов Чечено-Ингушетии. Безусловно, единодушия не было. Проявлялись и рецидивы имперского мышления, корпоративной солидарности. Но Д.Г. Завгаеву, избранному политическому лидеру республики, были даны карт-бланш и реальный шанс доказать, что вся предшествовавшая национальная политика, в том числе в подборе и расстановке кадров, по сути своей являлась порочной. И ему было на кого опереться. В рядах КПСС (членами и кандидатами в члены КПСС) состояли:

по РСФСР [7]:

1) лиц чеченской национальности:		
на 01.01.1989	24 341 чел.	0,2 %
на 01.01.1990	25 244 чел.	0,2 %
на 01.01.1991	23 877 чел.	0,3 %
2) лиц ингушской национальности:		
на 01.01.1989	4 748 чел.	0,0 %
на 01.01.1990	4 891 чел.	0,0 %
на 01.01.1991	4 939 чел.	0,1 %

по СССР [8]:

1) лиц чеченской национальности:		
на 01.01.1989	26 102 чел.	0,1 %
на 01.01.1990	27 067 чел.	0,2 %
на 01.01.1991	25 539 чел.	0,3 %
2) лиц ингушской национальности:		
на 01.01.1989	5 302 чел.	0,0 %
на 01.01.1990	5 471 чел.	0,0 %
на 01.01.1991	5 457 чел.	0,0 %

Другим важным событием, коренным образом изменившим всю политическую палитру Чечено-Ингушетии и положившим начало ее новейшей истории, стали выборы народных депутатов РСФСР и ЧИАССР, состоявшиеся в марте – апреле 1990 г. За десять мандатов народных депутатов РСФСР боролись 138 кандидатов, а за 175 мест в Верховном Совете ЧИАССР – 575 кандидатов. В результате такой жесткой конкуренции в российский парламент от Чечено-Ингушской АССР были избраны достойные депутаты, в их числе и Р.И. Хасбулатов, причем несмотря на то,

что ему в буквальном смысле этого слова был противопоставлен второй секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС П.Н. Громов.

Забегая несколько вперед, отметим, что 5 июня 1990 г. Р.И. Хасбулатов, преодолев конкуренцию достойных претендентов, был избран первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР [9]. А 3 июля 1990 г. председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью, одновременно членом Президиума Верховного Совета РСФСР российские депутаты избрали А.А. Аслаханова. Еще до этого портфель союзного министра получил С.Н. Хаджиев.

Общественностью Чечено-Ингушетии эти кадровые назначения, естественно, были восприняты с одобрением. Впервые на вершину государственной власти страны поднялись представители чеченского народа. Эти факты служили убедительным свидетельством того, что политическая реабилитация депортированных народов, в данном случае чеченского, состоялась.

20 марта в Грозном начала работу первая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР девятого созыва. Таковым было официальное сообщение [10]. При этом подчеркивалось, что она «была проведена по предложению большинства народных депутатов, которые собрались на собрание в связи с подготовкой к первой сессии» [11]. Они, как сообщали газеты, в частности «Грозненский рабочий», учитывая общественно-политическую обстановку в республике, признали «необходимым рассмотреть вопрос об избрании Председателя Верховного Совета ЧИАССР».

СМИ сообщали и о том, что «на сессии был рассмотрен вопрос об избрании тайным голосованием Председателя Верховного Совета ЧИАССР». В результате большинством голосов «на альтернативной основе» председателем Верховного Совета ЧИАССР был избран первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Доку Гапурович Завгаев» [12]. Фактически 20 марта народные депутаты были приглашены на собрание. Но в результате бюрократических манипуляций оно трансформировалось в сессию, где и был решен вопрос о председателе Верховного Совета ЧИАССР.

Таким образом, номенклатура, в руках которой еще оставались практически все рычаги власти, опираясь на накопленный опыт и используя испытанные десятилетиями правила политической «кухни» (а точнее – интриги), целенаправленно монополизировала республиканскую власть.

Так, в результате сиюминутно реализованной комбинации Д.Г. Завгаев и его окружение одержали победу в игре, начатой ими из-за своего страха потерять власть. В этот момент триумфа никто из них и в мыслях не допускал, что совершена первая серьезная тактическая ошибка. Более того, они не понимали, что в результате своих недальновидных действий встали на путь политического банкротства.

Таким образом, Д.Г. Завгаев стал одновременно совмещать две должности – председателя Верховного Совета ЧИАССР и первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС, что противоречило российскому (федеральному) закону «О механизме народовластия в РСФСР».

Вполне логичным представлялось, что в ближайшее время он сложит полномочия первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС. Но этого так и не произошло, что в российских коридорах власти восприняли как демарш партийного функционера, непоколебимо полагавшегося на всемогущество Генерального секретаря ЦК КПСС, то есть М.С. Горбачёва.

Как известно, 12 июня 1990 г. принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР. Выступая на съезде народных депутатов РСФСР, Президент Советского Союза М.С. Горбачёв признал, что национально-государственное устройство СССР нуждается в совершенствовании. При этом он обратил внимание на то, что при анализе советской истории «надо учитывать, что реализована была, по сути дела, в натуре концепция унитарного государства в многонациональной стране, в том числе и в Российской Федерации» [13].

Критика досталась и Б.Н. Ельцину. Горбачёв заявил: «Борис Николаевич утверждает, что суверенитет принадлежит и человеку, и предприятию, и районному Совету.

Это очень сомнительный тезис, и он доведет вопрос о суверенитете до абсурда, создаст такие перегородки, которые вообще подтолкнут сепаратизм в самой Российской Федерации и столкнут народы республики. И вообще это привело бы к анархии, к местничеству.

Выходит, через его концепцию мы будем разваливать не только Союз, но и развалим Российскую Федерацию» [14].

Особо следует подчеркнуть, что для автономных республик существенной новизной являлось то, что они отныне становились субъектами федерации союзных республик и, следовательно, вступали в договорные отношения с Союзом ССР [15]. Поэтому автономные республики, в том числе и Чечено-Ингушская, встали на путь поиска оптимальных вариантов «обновления» своих «договорных» отношений с Союзом.

Советские автономные республики никогда не обладали статусом непосредственных учредителей Советского Союза и, соответственно, не оформляли свои отношения с ним каким-либо

договором. Но в новых условиях перед ними, во всяком случае формально, открывались возможности полноправного участия в предстоящем договорном процессе. И было бы политически наивно даже полагать, что какая-то из автономных республик не предпримет попытки воспользоваться правом, предоставленным ей сверху – Союзом ССР. Более того, аппетиты и амбиции местных неформальных общественных движений и чиновников были, как говорится, подогреты призывом Б. Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько можете проглотить!», хотя и в состоянии политической эйфории и не без заметной доли лукавства, но вполне публично и безапелляционно брошенного им в массы. Видимо, вспоминая эти времена, Б.Н. Ельцин писал: «Я поддерживал новую и непонятную идею суверенитета России» [16].

Принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР, публичные заявления руководителей Союза ССР и РСФСР, бесспорно, спровоцировали так называемый парад суверенитетов российских национально-государственных образований. К осени 1990 г. большинство из них приняли свои Декларации [17], согласно которым предстояло заметно менять их статус. Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР данный вопрос рассмотрел на своей внеочередной сессии в конце ноября 1990 г. Таким образом, республика оказалась в рядах, замыкавших названный «парад».

Отдельные статьи Декларации, принятой народными депутатами Чечено-Ингушетии в ночь с 26 на 27 ноября 1990 г., вызвали неоднозначную реакцию как на союзном, так и федеральном (российском) уровнях власти.

У нас есть основания полагать, что с этого момента у российского руководства не оставалось каких-либо сомнений в том, что председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики Д.Г. Завгаев без каких-либо колебаний ориентировался на союзный центр в лице М.С. Горбачёва. Поэтому нам представляется, что с осени 1990 г. в российских коридорах власти анализировался план смены высшего руководства Чечено-Ингушской Республики.

Именно с этого момента в республике начался процесс эскалации политической напряженности, весной и летом трансформировавшийся в кризис. А недальновидный подход к его урегулированию на всех уровнях власти привел к известным тяжелым последствиям.

Ссылки и примечания:

1. Гакаев Д.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век) : в 2 ч. М., 1997. С. 133.
2. Гакаев Д.Ж. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы : в 2 ч. М., 1999. С. 30.
3. Организация «Барт». См.: Темишев М.Г. Почему Россия и Ичкерия не Америка? Эссе. М., 2001. С. 11.
4. Общество «Мемориал». См.: Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., и другие материалы. Т. III. Середина 80-х годов – 1991. М., 2004. С. 135.
5. См.: Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи. Жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 108.
6. Ваххабизм. См.: Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
7. РГАНИ. Ф. 77. Оп. 6. Д. 15. Л. 78, 73.
8. Там же. Л. 25, 20.
9. См.: Мареченков Ю. Руслан Хасбулатов. Политический портрет. М., 2002.
10. См.: Грозненский рабочий. 1990. 21 марта.
11. Там же.
12. Там же.
13. Правда. 1990. № 145 (26 228). 25 мая. С. 5.
14. Там же.
15. Правда. 1989. 24 сент.
16. Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С. 51.
17. См.: К союзу суверенных народов : сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета. М., 1991. С. 251–299.

References:

1. Gakaev, DZ 1997, *Essays on the political history of Chechnya (XX century): 2 parts*, Moscow, p. 133.
2. Gakaev, DZ 1999, *The Chechen crisis: origins, results, prospects: 2 parts*, Moscow, p. 30.
3. Organization "Bart". See: Temishev, MG 2001, , *Why Russia and Ichkeria is not America? Essay*, Moscow, p. 11.
4. Society "Memorial". See: *Rehabilitation: how it was. The documents of the Politburo, the transcript of the meeting of the Commission of the Politburo for additional study materials related to the repression that took place during the 30-40's and early 50-ies, And other materials* 2004, vol. III. Mid-80s – 1991, Moscow, p. 135.
5. See: Akaev, VH 1994, *Sheikh Kunta Hadji. The life and teachings*, Grozny, 108 p.
6. Wahhabism. See: *Islam. Collegiate Dictionary* 1991, Moscow.
7. RGANI, F. 77. Op. 6. D. 15. L. 78, 73.
8. RGANI, F. 77. Op. 6. D. 15. L. 25, 20.
9. See: Marechenkov, Y 2002, *Ruslan Khasbulatov. Political Portrait*, Moscow.
10. See: *Grozny worker* 1990, March 21.
11. See: *Grozny worker* 1990, March 21.
12. See: *Grozny worker* 1990, March 21.
13. *Pravda* 1990, № 145 (26 228), May 25, p. 5.
14. *Pravda* 1990, № 145 (26 228), May 25, p. 5.
15. *Pravda* 1989, Sep. 24.
16. Yeltsin, BN 1994, *Notes of a President*, Moscow, p. 51.
17. Refer: *To the union: sovereign peoples: a collection of documents of the CPSU, laws, declarations, appeals and presidential decrees dealing with the problem of nation-state sovereignty* 1991, Moscow, p. 251-299.